

# **Морфологический каузатив в христианском урмийском: продуктивность и аргументная структура<sup>1</sup>**

Елена Евгеньевна Шведова

*Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»  
Москва, Россия  
shvedovalena98@gmail.com*

Статья посвящена морфологическому каузативу с префиксом *т-* в христианском урмийском (< северо-восточные новоарамейские). Исследование проведено на материале полевых данных, собранных у носителей из с. Урмия, г. Крымск и с. Верин-Двин, также использованы данные словаря и корпусов текстов. В статье описывается продуктивность рассматриваемой деривации и аргументная структура каузативных конструкций. Префикс *т-*, традиционно трактуемый как часть корня (III порода), анализируется как отдельный каузативный показатель.

Исследование показывает, что *т*-каузатив характеризуется более высокой реализованной продуктивностью по сравнению с другими средствами каузативизации. При этом данные эликации указывают на ограниченность его использования для образования новых лексем.

В рамках обсуждения аргументной структуры каузативной конструкции показано, что кодирование Каузируемого участника зависит от семантико-синтаксического класса исходного глагола. При каузативизации А-лабильные глаголы ведут себя как непереходные, для экспериенциальных Каузируемых используется предлог непрямого дополнения *ka*, а при каузативизации прототипических переходных глаголов Каузируемый занимает позицию косвенного дополнения (инструментальный предлог *bi*).

В статье впервые приводятся примеры, где в ряде случаев в урмийском возможно варьирование между «дательным» и «инст-

---

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом РФФИ № 24-28-01009 «Ареально-типологическое описание новоарамейских идиомов Армении».

рументальным» оформлением Каузируемого при каузативах от А-лабильных и экспириенциальных переходных глаголов. В таких случаях наблюдается типологически ожидаемый семантический контраст: инструментальный предлог *bi* используется в конструкциях, выражающих более дистантную каузацию, где Каузируемый обладает большей волитивностью и контролем, чем при помещении Каузируемого в позицию прямого или непрямого дополнения.

**Ключевые слова:** морфологический каузатив, северо-восточные новоарамейские языки, аргументная структура

**Благодарности:** Автор выражает искреннюю признательность ассирийцам с. Урмия, г. Крымск и с. Верин-Двин, без помощи которых исследование не было бы осуществимо.

**Для цитирования:** Шведова Е. Е. Морфологический каузатив в христианском урмийском: продуктивность и аргументная структура. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 122–168.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-122-168

## The morphological causative in Christian Urmi: Productivity and argument structure

Elena Evgenevna Shvedova

*National Research University Higher School of Economics  
Moscow, Russia  
shvedovalena98@gmail.com*

The present article focuses on the morphological causative marked by the prefix *m-* in Christian Urmi (< North-Eastern Neo-Aramaic). The study is based on field data collected from speakers in the village of Urmiya, the city of Krymsk, and the village of Verin Dvin. Dictionary data and text corpora were also used. The paper describes the productivity of this derivation and the argument structure of causative constructions. The prefix *m-*, traditionally interpreted as part of the root (pattern III), is analyzed here as a separate causative marker.

The study shows that the prefix *m-* displays higher realized productivity compared to other means of causativization. At the same time, elicitation data indicate limitations in its use for forming new lexical items.

In the discussion of argument structure in causative constructions, it is shown that the coding of the causee depends on the semantic and syntactic class of the base verb, as was also described by Khan (2016) for Urmi spoken in Iran. In causativization, A-labile verbs behave like intransitives; experiencer causees are introduced by the dative preposition *ka*, while causativized prototypical transitive verbs assign the causee the position of an oblique object (preposition *bi*). Additionally, it has been discovered that Urmi also allows variation between dative and instrumental coding of the causee in causatives derived from A-labile and transitive experiencer verbs. A typologically expected contrast is observed: the instrumental preposition *bi* occurs in constructions where the causee exhibits more volitionality and control than in constructions where the causee appears in direct or indirect object position.

**Keywords:** morphological causative, Christian Urmi, North-Eastern Neo-Aramaic, argument structure

**For citation:** Shvedova E. E. The morphological causative in Christian Urmi: Productivity and argument structure. *Rodnoy Yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 122–168.

**DOI:** 10.37892/2313-5816-2026-1-122-168

## 1. Введение

Настоящая статья посвящена каузативной деривации в христианском урмийском идиоме (одном из северо-восточных новоарамейских языков<sup>2</sup> семитской семьи), выражаемой формой с начальным согласным *m*-, как в примере (1).

- (1) a. *bet-u*                                      *kəd-lə*  
       дом(М)-Р.3М                      гореть.PST-LS.3М  
       ‘Его дом сгорел’.
- b. *dəʒmən-n-u*                      *m-ukəd-lun*                      *bet-u*  
       враг(М).PL-Р.3М      CAUS-гореть.PST-LS.3PL      дом(М)-Р.3М  
       ‘Враги сожгли его дом’.

<sup>2</sup> На христианских северо-восточных новоарамейских языках говорят представители этнической группы ассирийцев, поэтому для названия этих языков может использоваться зонтичный термин *ассирийский язык*, объединяющий разные идиомы и диалекты.

В грамматике урмийского [Khan 2016a] глаголы с начальным *m*- относятся к так называемой III породе (см. раздел 3.1 ниже), а *m*- рассматривается как часть корня. Целью настоящей статьи является более детальное описание этих форм на материале урмийских идиомов, на которых говорят носители, живущие в России и Армении. В частности, ставятся следующие исследовательские вопросы:

- насколько релевантно для описания урмийской глагольной морфологии использование традиционного термина «породы»,
- возможно ли альтернативное описание форм с начальным *m*-,
- как в урмийских идиомах России и Армении оформляются аргументы в каузативной конструкции, соотносятся ли это с описанием иранского урмийского [Khan 2016a],
- если существует вариативность в оформлении аргументов каузативного глагола, то какая семантика стоит за каждым из вариантов,
- как урмийские данные соотносятся с типологическими обобщениями.

Исследование основано на данных, собранных автором с помощью метода элицитации в 2023–2025 гг. в рамках полевых экспедиций в с. Урмия, г. Крымск (Краснодарский край) и с. Верин-Двин (Армения). Для опроса носителей урмийского была составлена анкета для проверки возможности образования каузативов от глаголов разных семантико-синтаксических классов и изучения их аргументной структуры. Также в статье используются материалы словаря [Khan 2016c], полевого корпуса устных текстов [Ovsjannikova et al. 2022] и корпуса литературного урмийского [Christian Urmi Corpus]. В примерах, приводимых из полевого корпуса [Ovsjannikova et al. 2022], после перевода в скобках указывается название текста в корпусе. Примеры, в которых источник в скобках не указан, получены в ходе элицитации. В статье используется транскрипция и глоссы, разработанные петербургско-московской группой по изучению северо-

восточных новоарамейских языков<sup>3</sup>. Знаком «+» перед словом обозначается особая супрасегментная эмфаза (фарингализация) вслед за [Khan 2016a: 50].

Статья организована следующим образом. В разделе 2 дается определение прототипической каузативной конструкции. Раздел 3 содержит описание глагольной системы урмийского (3.1), аргументы в пользу анализа *m*- как отдельной словообразовательной морфемы (3.2), сравнение с другими способами выражения каузативной семантики (3.3), обсуждение продуктивности морфологического каузатива (3.4) и ограничений на его образование (3.5). Раздел 4 посвящен оформлению аргументов каузативных дериватов от глаголов разных классов. В разделе 5 рассматриваются семантические контрасты между различными аргументными рамками в сравнении с типологическими ожиданиями. В разделе 6 приводятся основные выводы исследования.

## 2. Определение прототипического каузатива

Традиционно каузативная деривация определяется как добавление в ситуацию **нового участника** с семантической ролью Агенса, который занимает приоритетную синтаксическую позицию в предложении [Dixon 2000: 30; Zúñiga, Kittilä 2019: 15]. В ряде работ каузативизация трактуется как добавление не столько нового участника, сколько целого каузирующего **подсобытия** [Недялков, Сильницкий 1969: 6; Shibatani 1976: 1; Pylkkänen 2008: 83]. Одним из важных аргументов в пользу второго определения является то, что при каузативизации обычно меняется не только аргументная структура, но и акциональные характеристики глагола [Татевосов 2015: 254]. В литературе также распространен подход к определению каузативной деривации в терминах **прототипа**. Согласно [Dixon, Aikhenvald 2000: 13; Лютикова и др. 2006: 53] прототипический каузативный дериват должен обладать свойствами, перечисленными в (2). Пери-

<sup>3</sup> Отличие этой транскрипции от [Khan 2016a] изложено в [Zabelina et al. 2022].

ферийные случаи должны обладать хотя бы некоторыми из этих свойств.

## (2) Свойства каузатива

На уровне семантики:

- добавление Агенса;
- Каузируемый теряет часть агентивных свойств (если они были);

на уровне морфологии:

- есть формальный показатель деривации;

на уровне синтаксиса:

- образование переходной предикации из непереходной;
- Агенси кодируется как синтаксически приоритетная ИГ;
- Каузируемый кодируется как синтаксически неприоритетная ИГ.

Подход в терминах прототипа позволяет охватить большой диапазон значений, регулярно выражаемых каузативной конструкцией в разных языках. Например, от эмотивных предикатов в языках мира с помощью каузативной морфологии обычно образуются такие дериваты, в которых происходит не добавление нового участника или подсобытия, а смена перспективы говорящего, ср. пример (3) из христианского урмийского, а также обсуждение похожих примеров из карачаево-балкарского в [Лютикова и др. 2006: 51], из калмыцкого в [Сай 2009: 422–432] и типологические наблюдения в [Creissels 2024: 538–540].

- (3) a. *Atur crəb-la +al Nineviya*  
 Атур злиться.PST-LS.3M на Ниневия  
 ‘Атур разозлился на Ниневию’.
- b. *Nineviya m-ucrəb-la ka Atur*  
 Ниневия CAUS-злиться.PST-LS.3F к Атур  
 ‘Ниневия разозлила Атура’.

Непрототипические значения обычно ограничены узкими лексическими группами глаголов и возможны не во всех языках. В настоящей работе мы сосредоточимся на прототипических употреблениях урмийского каузатива: пример

(1) иллюстрирует, что морфема *m-* может употребляться в конструкциях, полностью соответствующих прототипу (2).

### 3. Образование морфологического каузатива в урмийском

Как было сказано выше, в грамматике [Khan 2016a] глаголы с начальным *m-* относятся к III породе, а *m-* анализируется как часть корня. Мы полагаем, что семантические и морфологические особенности глаголов III породы позволяют анализировать *m-* как отдельную продуктивную словообразовательную морфему, выражающую каузативное значение. Ниже приводится аргументация этой точки зрения.

#### 3.1. Глагольная система христианского урмийского

Согласно наиболее распространенному в семитологической литературе подходу, в системах, подобных урмийской, лексические и видовременные значения глагола выражаются **прерывистыми морфемами**. Корень глагола состоит из двух, трех или четырех **согласных**. Видовременные значения выражаются с помощью так называемых **моделей**, или **трансфиксов** в терминологии [Мельчук 1963], состоящих из наборов гласных, которые вставляются между согласными корня<sup>4</sup>. Иногда модель также может включать дополнительные согласные и операции над согласными корня. Например, в урмийском корень *p-t-x* значит 'открывать', модель  $C_1aC_2əC_3$  (где *C* — согласные корня) используется для образования основы презенса,  $C_1C_2iC_3$  — для основы претерита, а  $bəC_1C_2aC_3a$  — для основы прогрессива. Следовательно, основа презенса этого глагола звучит как *patax*, претерита — *ptix*, а прогрессива — *bəptaxa*. Лично-числовое согласование кодируется аффиксально.

<sup>4</sup> Нелинейная морфология не отражается в принятой нами системе глоссирования, основы глагола глоссируются целиком, лексическое и грамматическое значение перечисляются через точку в одной морфеме.

Кроме того, в грамматике урмийского [Khan 2016a: 260–264] выделяется пять глагольных «**пород**», которые по нооарамеистической традиции обозначаются римскими цифрами: I, II, III, QI и QII. С одной стороны, от породы зависит, как выглядят видовременные основы глагола, т. е. породу можно определить как **набор видовременных трансфиксов**, ср. формы глаголов разных пород в Таблице 1 ниже. С другой стороны, некоторые глагольные корни могут иметь формы в разных породах. В таких случаях породы ассоциированы с определенной семантикой. I порода является базовой и не специфицирована по значению, а формы во II и III породах, как правило, являются каузативами от глаголов I породы, то есть эти породы отвечают за кодирование **актантной деривации**. Однако значительная часть глаголов может употребляться только в одной из пород — в таких случаях II или III породу нельзя считать производными. Подробнее продуктивность пород мы обсудим в разделе 3.4. Порода QI (от англ. *quadriliteral*) выделяется исключительно на формальных основаниях — к ней относятся глаголы, имеющие четыре согласных в корне. В грамматике [Khan 2016a: 263] утверждается, что эти глаголы также можно каузативизировать с помощью добавления *m*. Для описания таких каузативов Дж. Кхан выделяет породу QII, ср. *gargəš* QI ‘тащить’ — *mgargəš* QII ‘заставлять тащить’. В словаре [Khan 2016c] зафиксировано всего 22 глагола породы QII, а в грамматике отмечается, что четырехконсонантные глаголы чаще бывают лабильными, чем образуют морфологический каузатив [Khan 2016a: 454]. Носители, с которыми мы работали, не подтвердили возможность каузативизировать четырехсогласные глаголы с помощью префикса *m*-, поэтому далее мы не рассматриваем QII породу, предполагая, что ее не существует в идиомах, с которыми мы работали.

Таблица 1. Фрагмент парадигмы спряжения глаголов разных пород\*

| Порода      | I<br>(базовая)          | II<br>(каузатив)         | III<br>(каузатив)            | QI<br>(4 согласных)        |
|-------------|-------------------------|--------------------------|------------------------------|----------------------------|
| Корень      | <i>d-m-x</i><br>'спать' | <i>b-s-m</i><br>'лечить' | <i>m-d-m-x</i><br>'усыплять' | <i>c-n-d-r</i><br>'катить' |
| Прогрессив  | <i>bədməxə</i>          | <i>basumə</i>            | <i>madmıxə</i>               | <i>candurə</i>             |
| Претерит-ЗМ | <i>dməx-lə</i>          | <i>busəm-lə</i>          | <i>mıdməx-lə</i>             | <i>cundər-rə</i>           |

\*Полужирным выделены модели, выражающие видовременные значения.

Можно заметить, что в приведенных в Таблице 1 формах наборы вставляемых гласных совпадают во всех породах, кроме I породы. Это касается и других видовременных основ, поэтому на морфологических основаниях в урмийском выделяются только **два глагольных класса**, ср. схожие замечания в других описаниях урмийского [Nöldeke 1868: 207; Церетели 1964: 52; Murre-van den Berg 1999: 202]. В Таблице 2 приведены модели образования форм глаголов двух классов. Нижним подчеркиванием обозначены слоты для корневых согласных, а знаком Ø — отсутствие гласного между двумя согласными.

Таблица 2. Два класса спряжения глагола в христианском урмийском

| Морфологический класс  | 1                                              | 2                                                                 |     |    |
|------------------------|------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------|-----|----|
| Порода по [Khan 2016a] | I                                              | II                                                                | III | QI |
| Корень                 | C <sub>1</sub> -C <sub>2</sub> -C <sub>3</sub> | C <sub>1</sub> -C <sub>2</sub> -C <sub>3</sub> (-C <sub>4</sub> ) |     |    |
| Презенс                | _a_ə_                                          |                                                                   |     |    |
| Претерит               | _ø_i_                                          | _u_ə_                                                             |     |    |
| Результатив            | _ø_i_a                                         | _u_ø(ə)_a                                                         |     |    |
| Императив              | _ø_u_                                          | _a_ə_                                                             |     |    |

|                    |              |         |
|--------------------|--------------|---------|
| Инфинитив          | _ø_a_a       | _a_u_ə  |
| Прогрессив         | bə_ø_a_a     |         |
| Номинализация      | _ø_a_ta      | _a_a_ta |
| Активное причастие | _a_ø(_ə)_ana |         |

Распределение согласных между слотами в классе 2 может быть описано как автоматический процесс. В шаблоне во всех формах есть только три слота для согласных. Если в корне четыре согласных, как в глаголах пород III и QI, то второй и третий согласный образуют кластер, который помещается во второй слот [Khan 2016a: 262–263]. В формах результата и активного причастия в классе 2 между вторым и третьим согласными нет гласного (ø), поэтому в формах III и QI пород образуется кластер из трех согласных. Это приводит к появлению вставного гласного /ə/ и автоматическому удвоению третьего согласного, так как гласный /ə/ возможен только в закрытом слоге, см. (4).

(4) Пример распределения согласных в классе 2 в форме результата

|            | _u_ø(_ə)_a                                                                     | Пример          |
|------------|--------------------------------------------------------------------------------|-----------------|
| Порода II  | C <sub>1</sub> uC <sub>2</sub> C <sub>3</sub> a                                | <i>busma</i>    |
| Порода III | muC <sub>1</sub> C <sub>2</sub> əC <sub>3</sub> C <sub>3</sub> a               | <i>mutmæxxa</i> |
| Порода QI  | C <sub>1</sub> uC <sub>2</sub> C <sub>3</sub> əC <sub>4</sub> C <sub>4</sub> a | <i>jurjəšša</i> |

Таким образом, если руководствоваться только морфологическим критерием, то в урмийском выделяется два типа спряжения глаголов. При этом по модели класса 1 могут спрягаться только трехсогласные глаголы, тогда как с шаблонами класса 2 могут сочетаться как трех-, так и четырехсогласные корни. Следовательно, спряжение глаголов II, III и QI пород можно описать с помощью одного набора видо-временных моделей из гласных и слотов для согласных. В III породе слот первого согласного во всех формах занимает *m-*,

далее мы обратимся к обсуждению возможных подходов к анализу этого согласного.

### 3.2. Морфологический каузатив

При образовании видовременных основ в III породе *m*- ведет себя как первый согласный корня, т. е. занимает первый консонантный слот в шаблоне, а следующие два согласных образуют кластер и занимают второй слот, см. пример (4) выше. Дж. Кхан [Khan 2016a: 262], ссылаясь на работы Г. Гольденберга [Goldenberg 2013: 127], описывает *m*- как некий «аугмент» корня и в конечном счете анализирует его как часть корня, ср. пример (5).

(5) Описание *m*- как корневого согласного в грамматике [Khan 2016a: 263]

|             |                     |                   |
|-------------|---------------------|-------------------|
| Pattern I   | root: <i>b-r-z</i>  | ‘to dry’          |
| Pattern III | root: <i>m-br-z</i> | ‘to cause to dry’ |

Несмотря на это, в других местах грамматики глаголы III породы описываются как «морфологический каузатив» [Khan 2016a: 411]. Однако если считать, что добавление *m*- в III породе меняет корень глагола, то точнее было бы называть такие глаголы лексическим каузативом. Представляется более экономным для синхронного описания анализировать *m*- как **отдельную словообразовательную морфему**, выражающую каузативную семантику. При присоединении этой морфемы глагол начинает спрягаться по модели класса 2, так как шаблоны класса 1 не могут сочетаться с четырьмя согласными.

Такое описание урмийской системы, во-первых, позволяет учесть формальное тождество основ II, III и QI пород, которое никак не отражается в модели Дж. Кхана. Во-вторых, как будет показано далее в разделе 3.4, большинство глаголов III породы имеют однокоренные корреляты в I породе и могут считаться морфологически и семантически производными. Добавление к глаголу согласного *m*- можно описать как каузативную деривацию, семантика и синтаксис которой соответствуют, в частности, типологическим обобщениям. В-третьих, в системе Дж. Кхана для некото-

рых глаголов невозможно определить, относятся ли они к породе III или QI, не прибегая к их этимологии — это глаголы, начинающиеся с *m-* и не имеющие коррелятов в I породе. Такие глаголы являются непроизводными, и их нельзя описать как каузативы, поэтому логично предположить, что все такие глаголы будут относиться к QI породе. Однако в словаре [Khan 2016с] часть таких глаголов отнесена к QI породе, а часть к III породе. Семантические основания для такого разделения не всегда ясны. В-четвертых, как упоминалось в разделе 3.1, в некоторых разновидностях урмийского зафиксирована возможность добавления *m-* к четырехконсонантным глаголам. Образованные таким образом каузативные глаголы Дж. Кхан относит к отдельной породе QII. В нашем описании такие случаи могут быть описаны как прибавление морфемы *m-* к непроизводным глаголам класса 2.

Таким образом, Дж. Кхан выделяет в христианском урмийском пять пород на смешанных — формальных, семантических и этимологических — основаниях. Мы полагаем, что с синхронной точки зрения такое описание избыточно, а традиционный термин «порода» не требуется с необходимостью для описания урмийской системы. В отличие от описания в грамматике [Khan 2016a], в нашей модели вместо пяти пород выделяется два морфологических класса. Информация о принадлежности глагола к тому или иному классу содержится в лексиконе. При этом отнесение непроизводных глаголов к одному из двух классов не мотивировано или слабо мотивировано семантикой<sup>5</sup>, поэтому можно сказать, что два класса урмийских глаголов — это словоизменительные типы [Плунгян 2003: 54], также называемые *inflectional classes* [Lieber 2009: 104], *global inflection classes* [Haspelmath 2002: 121] или *conjugation patterns* [Paster 2016: 96]. Также мы выделяем в урмийском отдельный словообразовательный префикс *m-*. Все образованные с помощью этого префикса глаголы относятся к классу 2.

<sup>5</sup> В рамках этой статьи рассматривается только *m*-каузатив, поэтому мы не будем подробно описывать семантику других пород.

### 3.3. Другие средства каузативизации

Обобщим, как в урмийском может выражаться прототипическая каузативная семантика (прототипические свойства каузатива были рассмотрены в (2) выше). В Таблице 3 перечисляются основные способы кодирования отношений в каузативных парах глаголов с примерами глаголов на каждый способ (аналитические конструкции не рассматриваются).

Таблица 3. Формальные средства кодирования каузативной оппозиции в урмийском\*

| Кодирование оппозиции       | [Khan 2016a] | Некаузативный глагол                         | Морфологические изменения | Каузативный глагол                         |
|-----------------------------|--------------|----------------------------------------------|---------------------------|--------------------------------------------|
| Направленные оппозиции      |              |                                              |                           |                                            |
| Каузативная морфема         | III по-рода  | <i>brəz-lə</i><br>'сохнуть'<br>(класс 1)     | + <i>m</i> - 'CAUS'       | <i>m-ubrəz-lə</i><br>'сушить'<br>(класс 2) |
| Ненаправленные оппозиции    |              |                                              |                           |                                            |
| Парадигматическая оппозиция | II по-рода   | <i>bšəl-lə</i><br>'вариться'<br>(класс 1)    | класс 1 → 2               | <i>bušəl-lə</i><br>'варить'<br>(класс 2)   |
| Супплетивная оппозиция      |              | <i>mət-lə</i><br>'умирать'<br>(класс 1)      | Другой корень             | <i>+kʰəl-lə</i><br>'убивать'<br>(класс 1)  |
| Лабильный глагол            |              | <i>ptəx-lə</i><br>'открываться'<br>(класс 1) | —                         | <i>ptəx-lə</i><br>'открывать'<br>(класс 1) |

\*Полужирным выделены каузативные показатели. Глаголы приводятся в форме PST-LS.3М.

Вслед за [Недялков, Сильницкий 1969] мы различаем направленные и ненаправленные формальные оппозиции. В направленных оппозициях один из глаголов формально образован от другого (в случае урмийского с помощью каузативной морфемы). В ненаправленных оппозициях «трактовка того или иного члена как производящего или как производного не является формально очевидной» [Недялков,

Сильницкий 1969: 21]. В урмийском к таким оппозициям мы относим каузатив «II породы», который в нашей системе описывается как морфологическая операция перехода глагола из одного словоизменительного класса в другой (при этом формально класс 2 не является производным от класса 1), а также супплетивные и лабильные глаголы. Отметим, что в урмийском значительная часть глаголов (в словаре нами найдено минимум 159 таких лексем) являются Р-лабильными и могут употребляться и в переходной, и в непереходной конструкциях без изменения морфологической формы, как в примере (6).

- (6) а. *beta* *tləx-lə*  
 дом(м) разрушать(ся).PST-LS.3M  
 'Дом разрушился'.  
 б. *ginavə* *tləx-le* *beta*  
 грабители разрушать(ся).PST-LS.3PL дом(м)  
 'Грабители разрушили дом'.

Таким образом, прототипическая каузативная семантика в урмийском может выражаться не только с помощью префикса *m-*, но также операцией изменения парадигмы глагола (переход в класс 2) или не иметь морфологического выражения, как в случае с супплетивными и лабильными глаголами. Подробнее о дистрибуции этих средств каузативизации см. [Khan 2015; Шведова 2024a]. Далее мы будем рассматривать только морфологический каузатив с префиксом *m-*, в частности обратимся к обсуждению продуктивности этой деривации.

### 3.4. Продуктивность морфологического каузатива

#### 3.4.1. Реализованная продуктивность

Согласно [Ваауен 2009: 901], одной из мер продуктивности морфологических показателей является реализованная продуктивность (*realized productivity*). Под этим понимается зафиксированное в определенном корпусе количество лексем, образованных по изучаемой морфологической модели (*type frequency*), причем в качестве корпуса могут высту-

пать не только собрания текстов, но и словари [Dal, Namer 2016: 74]. Для исследования реализованной продуктивности морфологического каузатива в урмийском мы создали электронный глагольный словарь [Шведова 2024b], в основу которого легли данные из словаря [Khan 2016c]. Всего в словаре Дж. Кхана было найдено 1797 глаголов. Для каждого из этих глаголов в электронном словаре указаны корень, порода, значения, (не)переходность, примеры и наличие коррелятов в других породах. В словаре [Khan 2016c] не указываются консонантный корень и межпородные связи глаголов, поэтому эта информация была добавлена нами вручную.

По нашим подсчетам, количество глаголов в двух морфологических классах в урмийском практически равно: в словаре зафиксировано 954 глагола, спрягающихся по модели класса 1, и 843 глагола класса 2. Результаты распределения глаголов по пяти породам, выделяемым в традиционном описании, представлены на диаграмме на Рисунке 1. Отдельно (светло-серым) выделены сложные глаголы, которые состоят из легкого глагола и именной части, такие как *šakəl napas* ‘дышать’, букв. ‘брать воздух’, *garəš tuttun* ‘курить’, букв. ‘тянуть табак’.

Рис. 1. Реализованная продуктивность урмийских глагольных пород (по словарю)



Если рассматривать урмийскую систему как состоящую из пяти пород, то большинство урмийских глаголов относятся к не специфицированным по значению I породе (954 глагола) и QI породе (395 глаголов). В I породе встречается сопоставимое число простых (524) и сложных (430) глаголов. Широкое распространение сложных глаголов является ареальной чертой [Khan 2016a: 457] и, вероятно, отражает влияние соседних языков на урмийский. Кроме того, такие конструкции являются основным способом адаптации заимствованных глаголов к урмийской морфологии, ср. пример (7) из корпуса.

(7) *vəd-lan* звонить  
 делать.PST-LS.1PL  
 ‘Мы позвонили’. (Grabiteli Urmija)

Число глаголов, у которых есть формы в III породе, в 2,5 раза превышает число глаголов во II породе. Как упоминалось выше, семантика II и III пород различается в зависимости от того, имеет ли глагол формы в I породе. Из описания в грамматике неясно, какой процент глаголов II и III пород можно описать как каузативы, производные от глаголов I породы. На Рисунке 2 показано, сколько из зафиксированных в словаре [Khan 2016с] глаголов каждой из пород по нашим подсчетам имеют формы в других породах<sup>6</sup>.

6 Для подсчетов деривационного потенциала мы исключили 22 глагола QII породы и 471 сложный глагол, так как деривационные связи сложных глаголов устроены по-другому и выходят за рамки исследования системы пород.

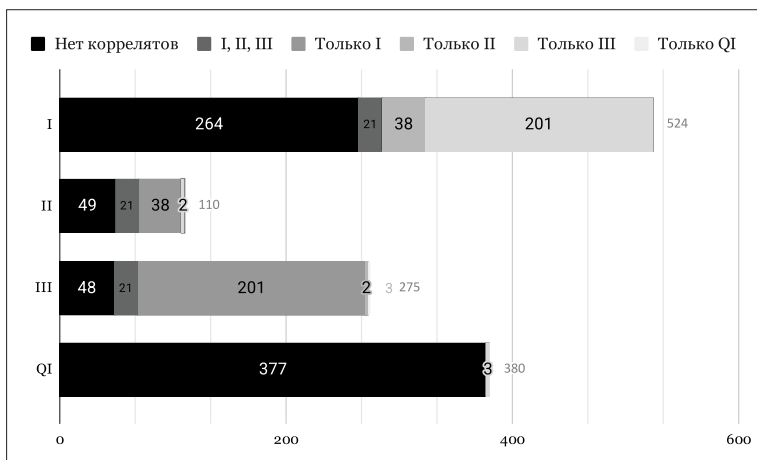


Рис. 2. Наличие коррелятов в других породах у глаголов разных пород

Корреляты в I породе зафиксированы у 81 % (222 из 275) глаголов III породы. Из 222 производных глаголов III породы почти все (196 глаголов) удовлетворяют одному или нескольким свойствам прототипа каузатива (2), что можно считать аргументом в пользу нашей трактовки *m-* как отдельной словообразовательной морфемы. В 26 примерах связь между глаголами I и III пород менее очевидна, ср. пример (8).

- (8) *+pšəṭ-lə* I 'to stretch out' (intr. and tr.)  
*+mupšəṭ-lə* III 'to see off, to guide' [Khan 2016a: 423]

Таким образом, большинство глаголов, которые спрягаются по модели класса 2 и имеют начальный *m-*, имеют однокоренные корреляты в классе 1 и могут быть описаны как каузативные производные глаголы. Семантика непродуцированных глаголов «III породы» требует отдельного изучения, на данный момент мы предлагаем не выделять в таких глаголах префикс *m-* и считать, что это морфологически и семантически непродуцированные глаголы, которые имеют четыре корневых согласных и поэтому спрягаются по модели класса 2.

Выше мы также предполагали, что с синхронной точки зрения нет оснований выделять II породу как отдельный подкласс глаголов. Данные о продуктивности пород можно рассматривать как аргумент в пользу нашей гипотезы. Корреляты в I породе есть у 54 % (59 из 110) глаголов II породы, однако только 36 глаголов II породы удовлетворяют хотя бы одному из свойств каузативного прототипа (2). Для оставшихся 23 корней сложно сформулировать отношения, которые связывают I и II породу — эти формы либо синонимичны, либо значение II породы лексикализировано. Следовательно, большинство глаголов II породы — это трехконсонантные глаголы, которым в лексиконе приписывается спряжение по модели класса 2. Для небольшого числа глаголов (36 глаголов в словаре) каузативизация выражается парадигматически — переходом из класса 1 в класс 2.

### 3.4.2. Возможность образования новых лексем

Другой мерой продуктивности является возможность показателя использоваться для образования новых глаголов — *expanding productivity* в терминах [Baayen 2009: 901]. Обычно для ее измерения требуется анализ большого корпуса текстов. Сравнивается количество единичных употреблений или гапаксов (*hapax legomena*) каждой из исследуемых моделей, ср. измерения в [Arkadiev, Pakerys 2015: 67] для литовских каузативных показателей. Считается, что число гапаксов коррелирует с продуктивностью, так как в больших корпусах гапаксами часто являются неологизмы и заимствования. Корпус полевых текстов на северо-восточных новоарамейских языках [Ovsjannikova et al. 2022] насчитывает всего около 35000 слов. В Таблице 4 мы приводим частотность глаголов II и III пород в этом корпусе. В нем встретилось 76 лексем III породы, 24 из которых употреблены один раз. Из-за маленького размера корпуса мы не можем с уверенностью утверждать, что это свидетельствует о продуктивности этой деривации, хотя отметим, что гапаксов во II породе (18 %) встретилось меньше, чем в III породе (32 %).

Таблица 4. Частотность двух каузативных пород по корпусу

| Порода | Лексемы<br>( <i>type frequency</i> ) | Употребления<br>( <i>token frequency</i> ) | Гапаксы | % гапаксов |
|--------|--------------------------------------|--------------------------------------------|---------|------------|
| II     | 45                                   | 872                                        | 8       | 18 %       |
| III    | 76                                   | 589                                        | 24      | 32 %       |

Отметим, что реализованная продуктивность (количество образованных лексем) у III породы выше, чем у II породы и по данным словаря, и по данным корпуса. При этом число употреблений конкретных форм (*token frequency*) в корпусе больше у II породы, что также косвенно подтверждает ее меньшую регулярность и продуктивность. Как отмечается в [Baayen 2009: 904], продуктивные категории характеризуются наличием большого количества низкочастотных форм, в то время как непродуктивные категории, как правило, содержат много высокочастотных нерегулярных форм.

Для адаптации заимствований, как мы упоминали выше, в урмийском обычно используются модели с легкими глаголами, такими как ‘быть’ или ‘делать’. В ходе элицитации мы предлагали нескольким носителям попробовать адаптировать русские глаголы к урмийской морфологии — например, попробовать проспрягать по-урмийски такие глаголы как *жарить* или *лайкать*. Все опрошенные использовали конструкции с легкими глаголами и не одобряли другие варианты. Можно предположить, что ни один из морфологических классов в урмийском не используется для адаптации заимствований, однако для более уверенных утверждений в будущем требуется также проверить, как адаптируются заимствования из языков помимо русского — например, из армянского.

Отметим также, что иногда носители могут образовать от урмийских глаголов *m*-дериват, даже если до этого ни разу не употребляли такой каузативный глагол. Например, оба предложения в (9) были предложены самим носителем

в качестве переводов соответствующих русских стимулов. При этом предложение (9b) сопровождалось следующим комментарием: «Я сам не слышал, чтобы кто-то хоть раз при мне так говорил, но думаю, что так надо сказать. И если я такое услышу, то определенно пойму».

- (9) a. *yala*                                      *sura*                                      +*ğər-rə*  
 мальчик(М)                                      маленький                                      писать.PST-LS.3М  
 ‘Ребенок пописал’.
- b. *baba*                                      +*m-uğğər-rə*                                      *ka*                                      *brun-u*  
 отец(М)                                      CAUS-писать.PST-LS.3М                                      к                                      сын(М)-P.3М  
 ‘Папа помог сыну пописать’.

### 3.5. Ограничения на образование морфологического каузатива

Несмотря на то что *m-* является довольно продуктивным средством каузативизации, нельзя сказать, что от любого глагола в урмийском можно образовать каузатив с помощью префикса *m-*. Такой каузатив может образовываться от пациентивных и агентивных **непереходных** глаголов и от **переходных** глаголов, но не образуется от **дитранзитивных** предикатов, таких как *yavvel* ‘давать’, *hakə* ‘рассказывать’, *atər* ‘говорить’ [Khan 2016a: 522]. Также невозможно **рекурсивное** употребление каузативного показателя *m-*.

Методом опроса носителей мы проверили возможность образования *m*-каузатива от глаголов, входящих в 200-словный список базовой лексики. Было проверено 44 лексемы. От большинства из них (38 лексем) носители одобрили формы морфологического каузатива. Помимо дитранзитивных глаголов, не допускают прибавление префикса *m-* следующие глаголы из списка: *parəx* ‘дуть’, *azəl* / *xəš-lə* ‘идти’ (супплетивные корни для разных видовременных форм), *raɣək* ‘плевать’, *atə* ‘приходить’ (ср. глагол *tauuə* ‘приносить’, который соотносится с этим глаголом диахронически, но не синхронно), *avəd* ‘делать’. Интересно, что в идиомах, с которыми работал Дж. Кхан, каузатив *m-avvəd* ‘заставлять делать’ существует и, более того, используется в аналитических каузативных конструкциях, как в примере (10).

- (10) *bət-m-avvədd-ən*                      +*šar-ət*  
 FUT-CAUS-делать.PRS-SS.1M    начинать.PRS-SS.2M  
 ‘Я заставлю тебя начать’. [Khan 2016a: 427]

Носители урмийского, с которыми мы работали в России и в Армении, отрицают существование как формы *m-avvəd*, так и перифрастической конструкции с ней. По нашим наблюдениям, в этих идиомах в целом не существует какой-то грамматикализованной аналитической каузативной конструкции или глагола со значением ‘заставлять’, обычно эта семантика передается описательно с помощью нескольких клауз, см. подробнее далее в разделе 4.3.1. Отдельные конструкции выражают пермиссивную семантику, ср. примеры (11)–(12), при этом пермиссивная интерпретация морфологического каузатива, судя по нашим данным, невозможна.

- (11) *lel*            *bəšvaka*            *ana*    +*ṭamm-ən-nə*  
 NEG.3M    оставить.PROG    я            пробовать.PRS-SS.1M-LS.3M  
 ‘[Это что за змея такая, что] он не разрешает мне ее попробовать’. (Skazka\_pro\_zlatovlasku)

- (12) *xuš*            *peš-a*                                      *hal*  
 пусть            оставаться.PRS-SS.3F            до  
*ana*            *at-ən*  
 я            приходить.PRS-SS.1M  
*mən*            *saldaduyta*  
 из            армия(F)  
 ‘Пусть она остается, пока я не приду из армии’.  
 (Skazka\_o\_zhene\_princa\_i\_ee\_zlykh\_sestrax)

#### 4. Оформление аргументов в урмийской каузативной конструкции

Одной из широко обсуждавшихся в литературе проблем является оформление аргументов в каузативной конструкции. Обычно Каузатор занимает приоритетную синтаксическую позицию, а в выборе синтаксических позиций и средств кодирования остальных аргументов наблюдает-

ся как межъязыковое, так и внутриязыковое варьирование. На выбор способов оформления участников каузативного глагола влияют синтаксические и семантические факторы. Например, согласно [Comrie 1976], в некоторых языках Каузируемый занимает самую высокую незанятую синтаксическую позицию в иерархии синтаксических отношений (13).

(13) Подлежащее > Прямое дополнение >  
Непрямое дополнение > Косвенное дополнение

Кроме того, Б. Комри упоминает, что для более точного описания языковых фактов важно учитывать семантические факторы. Гипотеза о решающей роли семантики каузативной ситуации развивается в [Kemmer, Verhagen 1994]. Выбор одного из трех распространенных в языках способов кодирования Каузируемого, перечисленных в (14), определяется не синтаксисом, а степенью контроля и вовлеченности Каузируемого участника в ситуацию.

(14) Инструменталис > Датив > Аккузатив<sup>7</sup>

Предполагается, что аккузативное маркирование используется для неавтономных участников с низким контролем, которые подвергаются сильному воздействию Каузатора. Автономные участники, которые обладают контролем и менее вовлечены в ситуацию, скорее будут кодироваться так же, как Инструмент в некаузативных конструкциях.

#### 4.1. Способы кодирования аргументов глагола в урмийском

В урмийском у имен отсутствует морфологический падеж, для кодирования предикатно-аргументных отношений используются предлоги и вершинное маркирование на глаголе. Для описания позиций аргументов в грамматике [Khan 2016a] используются такие синтаксические термины, как подлежащее (*subject*), прямое дополнение (*direct object*)

<sup>7</sup> Тут и далее эти термины используются в качестве ярлыков для средств кодирования участников в некаузативных конструкциях с семантическими ролями Инструмента, Реципиента и Пациенса соответственно (например, падежей или предлогов).

и т. д., однако синтаксические признаки этих позиций нигде не обсуждаются, упоминаются только используемые в этих позициях предлоги, согласование с глаголом и семантические роли аргументов. Можно заключить, что в грамматике перечисленные синтаксические позиции отождествляются с моделями управления определенных глаголов, а отдельное исследование синтаксических признаков этих позиций не проводилось. В настоящем исследовании мы вслед за автором грамматики продолжаем пользоваться этими терминами, имея в виду, что такое отождествление синтаксических позиций и способов маркирования семантических ролей в дальнейшем может быть пересмотрено. В Таблице 5 суммируется информация об основных синтаксических позициях в урмийском, которые в следующих разделах будут использоваться для описания аргументов в каузативной конструкции.

Таблица 5. Характеристики основных аргументных позиций в урмийском

| Синтаксическая позиция                         | Семантическая роль                          | Зависимостное маркирование                                        | Вершинное маркирование |
|------------------------------------------------|---------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------|------------------------|
| Подлежащее ( <i>subject</i> )                  | Агенс (в переходной конструкции)            | Без предлога                                                      | Обязательное           |
| Прямое дополнение ( <i>direct object</i> )     | Пациенс (в переходной конструкции)          | Факультативно: предлог <i>ka</i>                                  | Факультативное         |
| Непрямое дополнение ( <i>indirect object</i> ) | Реципиент, Бенефактив, Адресат              | Предлог <i>ka</i>                                                 | —                      |
| Косвенное дополнение ( <i>oblique object</i> ) | Инструмент, Агенс (в пассивной конструкции) | Предлог <i>bi</i> (алломорфы <i>b</i> , <i>p</i> , <i>biyu-</i> ) | —                      |

Субъектное согласование глагола в урмийском обязательно, а объект факультативно индексируется на глаголе,

ср. примеры (15) и (16). Возможно также дифференцированное зависимостное маркирование объекта с помощью предлога *ka* (17). Подробнее о кодировании прямого дополнения см. [Шувалова 2023; Сай 2020: 662–667].

(15) Прямое дополнение, индексация на глаголе

|        |              |                       |
|--------|--------------|-----------------------|
| +avvo  | <i>gutta</i> | <i>bədvak-o=l</i>     |
| DEM3.М | мяч(Ф)       | схватить.PROG-P.3F=3М |

‘Он ловит мяч’. (Skazka\_pro\_zlatovlasku)

(16) Прямое дополнение, нет маркирования

|               |                   |
|---------------|-------------------|
| <i>yasur</i>  | <i>tivə=əna</i>   |
| ребенок(М).PL | сидеть.RES.PL=3PL |
| <i>niunə</i>  | <i>bədvak=əna</i> |
| рыба(Ф).PL    | схватить.PROG=3PL |

‘Дети сидят, рыбу ловят’. (Zolotoe\_kolco)

(17) Прямое дополнение, маркирование предлогом

|              |              |           |              |                  |
|--------------|--------------|-----------|--------------|------------------|
| <i>malca</i> | <i>laxxa</i> | <i>ka</i> | <i>Yosəp</i> | <i>bədvak=əl</i> |
| царь(М)      | здесь        | к         | Йосип(М)     | схватить.PROG=3М |

‘Тут царь ловит Йосипа’. (Skazka\_pro\_zlatovlasku)

Кроме того, в урмийском предлог *ka* используется для маркирования участников с ролью Реципиента (18a), Адресата и Бенефактива (18b). В грамматике [Khan 2016a: 390, 414; 2016b: 261] позиция аргументов с этими семантическими ролями выделяется как отдельная позиция непрямого дополнения. По-видимому, основанием различать не прямое и косвенное дополнение является возможность выражения первого с помощью местоименных глагольных суффиксов, ср. (19), тогда как косвенное дополнение всегда требует предлога.

(18) Непрямое дополнение

|              |                       |                |        |
|--------------|-----------------------|----------------|--------|
| a. <i>ka</i> | <i>d-annə</i>         | <i>yatuymə</i> | +avva  |
| к            | OBL-DEM1.PL           | сирота(М).PL   | DEM2.М |
| <i>upra</i>  | <i>yavv-ax-xə</i>     |                |        |
| земля(М)     | дать.PRS-SS.1PL-LS.3М |                |        |

‘Отдадим этим сиротам эту землю’. (Assirijcy)

|                   |                |                  |
|-------------------|----------------|------------------|
| b. + <i>xarta</i> | <i>telefon</i> | <i>vəd-lə</i>    |
| потом             |                | делать.PST-LS.3М |

*ka*            *+alm=ət*            *laħħa*  
 к            люди(М)=REL            здесь  
 ‘Потом он сделал телефон для местных людей’.  
 (Rabe\_Inviyya\_i\_Urmiya)

- (19) *udyu=da*            *ħa*            *pəlxana*  
 сегодня=ADD            один            работа(М)  
*b-yavv-ən-nux*  
 FUT-давать.PRS-SS.1M-LS.2M  
 ‘Сегодня я дам тебе еще одно задание’.  
 (Skazka\_pro\_zlatovlasku)

Аргументы в позиции косвенного дополнения маркируются различными предлогами в зависимости от семантики, см. [Сай 2020]. Для описания каузативных конструкций будет актуально только маркирование с помощью предлога *bī*, который имеет множество функций (подробнее о функциях этого предлога см. [Монастырская 2023]), в частности используется для кодирования Инструмента (20) и Агенса в пассивной конструкции (21).

- (20) Косвенное дополнение (Инструмент)

*bī*    *kesa*            *partul=ətux*  
 с    дерево(М)            поворачивать.PROG=2PL  
*a*            *+busra*  
 DEM1.SG    meat(М)  
 ‘Вы палкой переворачиваете мясо’.  
 (Son\_pro\_zarku\_myasa)

- (21) Косвенное дополнение (Агенса в пассивной конструкции)

*ka*    *tu*            *pəš-li*  
 к    что            остаться.PST-LS.1SG  
*+uldiyya*            *b*            *Natan?*  
 обмануть.RES.M    с            Натан  
 ‘Почему я был обманут Натаном [твоим сыном]?’  
 [Khan 2016b: 265]

В [Khan 2015; 2016a: 412—427] описывается четыре основных стратегии оформления аргументов в каузативной конструкции. Они приводятся в Таблице 6 вместе с указанием класса исходного некаузативного глагола.

Таблица 6. Кодирование аргументов при каузативизации разных классов глаголов

| Класс исходного глагола      | Каузатор   | Каузируемый (исходное подлежащее)         | Исходное прямое дополнение |
|------------------------------|------------|-------------------------------------------|----------------------------|
| непереходные                 | подлежащее | прямое дополнение                         | —                          |
| прототипические переходные   |            | косвенное дополнение (предлог <i>bi</i> ) | прямое дополнение          |
| переходные экспериенциальные |            | непрямое дополнение (предлог <i>ka</i> )  | прямое дополнение          |
| А-лабильные                  |            | прямое дополнение                         | неядерная позиция          |

Ниже мы подробнее обсудим каждую из стратегий на материале идиомов, с которыми мы работали, приводя элицированные и корпусные примеры. Мы также перечислим основные глаголы, относящиеся к каждому из семантико-синтаксических классов. Приводимые списки глаголов не исчерпывающие, так как мы не проверяли все глаголы из словаря, тем не менее, данные про некоторые из глаголов впервые вводятся в научный оборот, так как в грамматике и корпусе текстов Дж. Кхана можно найти примеры только на ограниченное число глаголов.

#### 4.2. Каузативизация непереходных глаголов

При каузативизации непереходных глаголов в урмийском Каузируемый смещается с позиции подлежащего в позицию прямого дополнения. Такое перекодирование аргументов типологически распространено и встречается в абсолютном большинстве языков мира, имеющих морфологический каузатив [Dixon 2000: 45; Creissels 2024: 529]. В каузативной конструкции оформление прямого дополнения

подчиняется общим правилам дифференцированного маркирования объекта, ср. примеры (22)–(24).

- (22) *brata* +*m-urdəx-la* *miyu*  
 девочка(Ғ) CAUS-кипеть.PST-LS.3Ғ вода(PL)  
 ‘Девушка вскипятила воду’.
- (23) *brata* +*m-uṭbiyu-a-la* *isakt-o*  
 девочка(Ғ) CAUS-тонуть.PST-SS.3Ғ-LS.3Ғ кольцо(Ғ)-P.3Ғ  
 ‘Девушка утопила свое кольцо [в реке]’.
- (24) *ka* +*kaṭuy* +*m-avur=əla* *beta*  
 к кошка(Ғ) CAUS-входить.PROG=3Ғ дом(М)  
 ‘Она заводит кошку в дом’. (Zolotoe\_kolco)

Кодирование остальных аргументов непереходного глагола при каузативизации обычно не меняется. Например, в (25) второй аргумент двухместного непереходного глагола и в исходной, и в каузативной конструкциях оформляется предлогом *+al*.

- (25) а. *+al* *Mat* *Maryam*  
 на Святая Мария(Ғ)  
*bədmay=əva*  
 быть\_похожим.PROG=3.RETR  
 ‘Она на Деву Марию была похожа’.  
 (Videniye\_bogoroditsy)
- б. *m-admu-y-u=va* +*al xabuša*  
 CAUS-быть\_похожим.PROG-P.3М=3.RETR на яблоко(М)  
 ‘Сделал его похожим на яблоко’. (Dva\_brata)

Исключением можно назвать эмотивные глаголы. Выше мы упоминали, что от эмотивных глаголов обычно образуются **непрототипические** каузативы без добавления нового участника, см. пример (3). При образовании **прототипических** каузативов от таких глаголов Каузатор занимает позицию подлежащего, а Стимул кодируется локативно-инструментальным предлогом *bi* независимо от того, каким предлогом он маркирован в исходной конструкции. В примерах (26) и (27) в исходной конструкции Стимул кодирует-

ся аблативным предлогом *tən*, а в каузативных предложениях вводится предлогом *bi*.

(26) a. *ginava* +*zdəl-lə* *tən* *calba*  
вор(м) бояться.PST-LS.3M от собака(м)  
'Вор испугался собаки'.

b. *axnan* +*m-uzdi-lan* *ka* *ginava*  
мы CAUS-бояться.PST-LS.1PL к вор(м)  
*bi* (\**tən*) *calba*  
с от собака(м)  
'Мы напугали вора собакой'.

(27) a. *a* *yala* *bənχap=ələ*  
DEM1.SG мальчик(м) стесняться.PROG=3M  
*tən* *kom-u*  
от рост(м)-P.3M  
'Этот парень стесняется своего роста'.

b. *χorvat-u* *m-anχip-u=na*  
друг.PL-P.3M CAUS-стесняться.PROG-P.3M=3PL  
*k* *d-a*  
к OBL-DEM1.SG  
*yala* *bi* (\**tən*) *kom-u*  
мальчик(м) с от рост(м)-P.3M  
'Друзья стыдят этого парня за его рост'.

По-видимому, в подобных каузативных конструкциях исходный Стимул осмысливается как Инструмент, ср. использование предлога *bi* в инструментальном значении в (20) выше. Похожие случаи в других языках были описаны, например, для калмыцкого в [Сай 2009: 427].

#### 4.3. Каузативизация переходных глаголов

При каузативизации переходных глаголов возможны два основных сценария перекодирования аргументов: либо Каузируемый занимает позицию прямого дополнения, а исходный Пациент сдвигается ниже по иерархии синтаксических ролей, либо наоборот Пациент сохраняет свою позицию прямого дополнения, а Каузируемый понижается до непрямого или косвенного дополнения. В урмийском встре-

чаются оба варианта, выбор зависит от семантико-синтаксического класса исходного глагола.

#### 4.3.1. Прототипические переходные глаголы

При каузативизации прототипических переходных глаголов в урмийском исходное прямое дополнение сохраняет свою позицию, Каузатор занимает позицию подлежащего, а исходное подлежащее (Каузируемый) смещается в позицию **косвенного дополнения** и кодируется предлогом *bi*, см. примеры (28)–(30). Такая стратегия нарушает иерархию Комри, приводимую выше в (13), так как пропускается позиция непрямого дополнения.

- (28) a. *palaxə*                      *prəm-le*                      *ərbita*  
 рабочие                      зарезать.PST-LS.3PL                      овца(F)  
 ‘Рабочие зарезали овцу’.
- b. *Ašur*                      *m-uprəm-a-lə*                      *ərbita*  
 Ашур                      CAUS-зарезать.PST-SS.3F-LS.3M                      овца(F)  
*b*                      *palaxə*  
 с                      рабочие  
 ‘Ашур заставил рабочих зарезать овцу’.
- (29) a. *Edgar*                      *zvən-lə*                      *konfet*  
 Эдгар                      покупать.PST-LS.3M                      конфеты  
 ‘Эдгар купил конфеты’.
- b. *bi Edgar*                      *m-uzvən-li*                      *konfet*  
 с Эдгар                      CAUS-покупать.PST-LS.1SG                      конфеты  
 ‘Я заставила Эдгара купить конфеты’.
- (30) *id=ət*                      *+gor-ax*  
 рука=REL                      муж(М)-P.2F  
*m-unšək-a-lax*                      *biyy-an*  
 CAUS-целовать-SS.3F-LS.2F                      с-P.1PL

[ЛК: носитель был на крещении племянника в армянской церкви, где нужно целовать руку кума. Он сказал сестре:] ‘Ты заставила нас поцеловать руку твоего мужа’.

Описанным способом оформляются аргументы следующих глаголов из нашей выборки: *m-abšəl* ‘заставлять варить’, *+m-amrəč* ‘заставлять давить’, *m-aprəm* ‘заставлять за-

резать (животное), *m-axpər* ‘заставлять копать’, *+m-anyəs* ‘заставлять жалить’, *+m-akrəʃ* ‘заставлять кусать’, *m-axpək* ‘заставлять обнимать’, *m-azvən* ‘заставлять покупать’, *+m-akʃə* ‘заставлять резать’, *m-abnə* ‘заставлять считать’, *+m-akʃəl* ‘заставлять убивать’, *m-anšək* ‘заставлять целовать’.

Судя по комментариям носителей, подобные каузативы используются в речи нечасто, особенно с выраженным Каузируемым. Например, после перевода стимула с глаголом *m-aprət* ‘заставлять зарезать’ один из носителей сделал следующую ремарку: «Очень редко. Не используется такое в речи. Не то что это неправильно, и поэтому не используется, просто есть другой словарный оборот, который чаще используется». Чаще такие значения выражаются не грамматикализированными биклаузальными конструкциями с глаголами ‘сказать (что-то сделать)’ или ‘дать (что-то сделать)’, ср. пример (31), где носительницу в ходе элицитации попросили придумать пример употребления глагола *m-aprət* ‘заставлять резать’. За клаузой с каузативным глаголом сразу же следует пояснение с биклаузальной конструкцией.

- (31) *+hayvan* *m-aprum-u=l* *b* *našə*,  
 животное(М) CAUS-резать.PROG-P.3M=3M с люди  
*gan-u* *lel* *prat-u*,  
 душа(F)-P.3M NEG.3M резать.PROG-P.3M  
*yav-u=lə* *ka* *našə* *prat-u=na*  
 давать.PROG-P.3M=3M к люди резать.PROG-P.3M=3PL  
 ‘Он делает так, что люди режут животное, он сам его не режет, отдает людям резать’.

В корпусе полевых текстов встретилось три каузатива от прототипических переходных глаголов: *+m-atrəs* ‘заставлять строить’ (6 раз), *m-aprət* ‘заставлять зарезать’ (6 раз), *+m-akʃəl* ‘заставлять убивать’ (3 раза). Во всех примерах из корпуса Каузируемый не выражен. Опускание или запрет выражения Каузируемого в каузативах от переходных глаголов наблюдается во многих языках [Недялков, Сильницкий 1969: 49; Creissels 2024: 517–518]. Согласно [Kemmer, Verhagen 1994: 135–136], инструментальные показатели ис-

пользуются для маркирования нетопикальных Каузируемых, играющих второстепенную, промежуточную роль в ситуации, поэтому такие участники могут легко оставаться не выраженными.

#### 4.3.2. Экспериенциальные переходные глаголы

При каузативизации переходных экспериенциальных глаголов в урмийском исходное подлежащее обычно оформляется предлогом **непрямого дополнения** *ka* [Khan 2016a: 413], как в примерах (32)–(33). В этот класс попадают следующие глаголы: *xazzə* ‘видеть’ > *m-axzə* ‘показывать’, + *yaṭṭə* ‘знать’ > +*m-addə* ‘информировать’, +*ṛarmə* ‘понимать’ > +*m-aṛrəm* ‘объяснять’, +*ṭammə* ‘пробовать’ > +*m-aṭmə* ‘давать пробовать’, +*šammə* ‘слышать’ > +*m-ašmə* ‘рассказывать’.

- (32) a. *bnatə* +*ṭamy-a-le* *bušala*  
 девочки пробовать.PST-SS.3F-LS.3PL бушала(F)  
 ‘Девочки попробовали бушалу’.
- b. *ana* +*m-uṭmiyy-a-li* *bušala*  
 я CAUS-пробовать.PST-SS.3F-LS.1SG бушала(F)  
*ka bnatə*  
 к девочки  
 ‘Я дала девочкам попробовать бушалу’.
- (33) a. +*avvo* +*stacan=da* *bəxzay-u=t*  
 DEM3.M стакан(M)=ADD видеть.PROG-P.3M=2M  
 ‘Вон тот стакан видишь?’ (Skazka\_pro\_zlatovlasku)
- b. *m-axziyy-ax* *ka suray*  
 CAUS-видеть.PRS-SS.1PL к ассирийцы  
*miḡḡurra* +*urusnay* *bəštay=əna* *arak*  
 как русские пить.PROG=3PL водка(M)  
 ‘Покажем ассирийцам, как русские пьют водку’.  
 (Zdorovyj\_assiriec)

Вариативность в выборе кодирования Каузируемого между дативным и инструментальным показателями описывалась и для других языков [Kemmer, Verhagen 1994: 131–135]: если в языке есть несколько стратегий кодирования Каузируемого, то датив (т. е. тот же показатель, который используется для маркирования Реципиента при глаголе ‘давать’),

как правило, используется для маркирования экспериенциальных участников. Это связывается со степенью воздействия (*affectedness*) на Каузируемого: при дативном маркировании Каузируемый больше вовлечен в ситуацию, его состояние меняется сильнее, чем в случае с Каузируемым, вводимым инструментальным показателем<sup>8</sup>. Кроме того, отмечается, что каузативами от экспериенциальных глаголов обычно выражается каузация с помощью ментального или словесного, а не физического принуждения [Недялков, Сильницкий 1969: 34–35; Kemmer, Verhagen 1994: 137].

#### 4.3.3. А-лабильные глаголы

Помимо двух перечисленных классов переходных глаголов (прототипические и экспериенциальные), можно выделить еще одну группу предикатов, которые при каузативизации ведут себя особенным образом. В эту группы входят следующие глаголы: *+axəl* ‘есть’, *šatə* ‘пить’, *+mayəs* ‘сосать’, *yalar* ‘учить (что-л.)’, *+karə* ‘изучать’, *lavəš* ‘надевать’, а также глаголы с внутренним объектом, например *zamər zmartə* ‘петь песню’. В исходной, некаузативной форме эти глаголы являются А-лабильными<sup>9</sup>, т. е. могут употребляться как в переходной (34a), (35a), (36a), так и в непереходной (34b), (35b), (36b) конструкциях, где А-участник переходного предложения соответствует подлежащему непереходного.

- (34) a. *mīyua*                      *garəc*                      *šat-ət-te*  
           вода(PL)                    надо                      пить.PRS-SS.2M-LS.3PL  
           ‘Ты должен выпить эту воду’. (Brat\_brosil\_v\_rechku\_i\_drugie\_sluchai)

<sup>8</sup> Ср. релевантные выводы [Kemmer, Verhagen 1994: 135]: “Dative-marked participants ... are those which are affected as humans are affected, viz. experientially. With instrumental participants, on the other hand, the focus is not on the experiencing of an effect by the participant but on nothing more than its intermediary role in accomplishing the effected event. Dative participants are experientially affected, instrumentals are not.”

<sup>9</sup> Дж. Кхан не упоминает лабильность этих глаголов, но мы полагаем, что это важный факт, так как при каузативизации эти глаголы ведут себя как непереходные.

- b. *cullə*      *yuma*      +*bixal=əna*      *bəštay=əna*  
 весь      день(М)      есть.PROG=3PL      пить.PROG=3PL  
 ‘Весь день они едят, пьют’. (Svadba)
- (35) a. *Maša*      *bəlyap=əla*      *lišan*      *sura*  
 Маша      учить.PROG=3F      язык(М)      ассирийский  
 ‘Маша учит ассирийский язык’.
- b. *brun-u=da*      *bəlyap=əla*  
 сын(М)-Р.3М=ADD      учить.PROG=3М  
 ‘Его сын учится’. (Zagadka\_pro\_arbuzy)
- (36) a. *susvay*      *xat-i*      *cullə*  
 лошадь(М).PL      сестра(F)-Р.1SG      весь  
 +*myas-e-va*  
 сосать.PROG-Р.3PL-RETR  
 ‘Моя сестра высасывала [кровь] всех лошадей’.  
 (Sestra\_vampir)
- b. *‘ət-məḡḡət=da*      +*bar-naša*  
 EXI-действительно=ADD      человек(М)  
 +*xalvanaya*,      +*mis=əla*  
 млекопитающее(М)      сосать.RES.М=3М  
 ‘Это правда, что человек — млекопитающее, он сосал’.  
 Перевод в источнике: “It is true that man is a mammal,  
 he has sucked (milk)”<sup>10</sup> [Khan 2016d: 198].

При каузативизации перечисленные глаголы ведут себя как **непереходные**: исходное подлежащее смещается в позицию прямого дополнения. При этом исходное дополнение тоже может быть выражено — в каузативной конструкции оно выражается именной группой, которая не имеет предложного маркирования и не индексируется на глаголе, как в примерах (37)–(38). Дж. Кхан называет синтаксическую позицию, которую занимает исходный объект, «обстоятельством дополнением» (“adverbial complement rather than

<sup>10</sup> Ранее в контексте не упоминается молоко, поэтому мы предполагаем, что это не конструкция с эллипсисом, однако в будущем требуется собрать больше данных, чтобы подтвердить лабильность этого глагола.

a core argument” [Khan 2016a: 420]), но не описывает синтаксические свойства этой позиции.

(37) *yəmma m-uštiyy-e-la yala surə+xałva*  
 мать(F) CAUS-пить.PST-SS(O).3PL-LS.3F дети молоко(M)  
 ‘Мать напоила детей молоком’.

(38) *ğulla tazə m-ulviš-é-lun*  
 одежда(M).PL новая.PL CAUS-надевать.PST-SS.3PL-LS.3PL  
 ‘Их одели в новую одежду’. (Semja\_v\_Tiflise)

Глаголы поглощения и глаголы со значением ‘учить’ во многих языках ведут себя не так, как прототипические переходные глаголы, в том числе и при каузативизации [Arkadiev, Pakerys 2015: 69]. Например, в языках, в которых морфологический каузатив может образовываться только от непереходных глаголов, переходные глаголы со значениями ‘есть’, ‘пить’ и ‘учить’ составляют исключение и могут каузативизироваться так же, как непереходные глаголы [Creissels 2024: 525]. Как и в случае с экспериенциальными глаголами, этому предлагается семантическое объяснение: Каузируемый вовлечен в ситуацию подобно прототипическому Пациенту.

## 5. Аргументные рамки и семантические контрасты

Выше было показано, что выбор аргументной рамки каузативного глагола в урмийском зависит от семантико-синтаксического класса исходного глагола. Возможные варианты суммированы в Таблице 7.

Таблица 7. Аргументные рамки каузативных глаголов\*

| Класс исходного глагола    | Аргументная рамка каузатива                                       |
|----------------------------|-------------------------------------------------------------------|
| Непереходные и А-лабильные | A <i>m-v</i> P (Z) —<br>переходная конструкция                    |
| Прототипические переходные | A <i>m-v</i> P <i>bi</i> X —<br>«инструментальное»<br>кодирование |

|                                 |                                                  |
|---------------------------------|--------------------------------------------------|
| Экспериенциальные<br>переходные | А <i>m-v P ka</i> IO —<br>«дативное» кодирование |
|---------------------------------|--------------------------------------------------|

\*А — агенсоподобный участник переходной конструкции, Р — пациенсоподобный участник переходной конструкции, IO — непря-  
мое дополнение, Х — косвенное дополнение, Z — неядерная бес-  
предложная позиция, v — глагол.

В грамматике Дж. Кхана не обсуждается, могут ли каузативы от экспериенциальных и А-лабильных глаголов сочетаться с аргументной рамкой, характерной для каузативов от прототипических переходных глаголов, то есть допускают ли они инструментальное маркирование Каузируемого. Одной из задач нашего исследования было проверить это.

Согласно нашим полевым данным, в некоторых контекстах такое маркирование возможно. По крайней мере для некоторых носителей приемлемы такие примеры, как (39b)–(42b). Носители отмечают, что в примерах с предлогом *bi* действие совершается против воли Каузируемого, появляется оттенок значения ‘заставить’. Из контекстов, в которых предлагалось использовать предложения с предлогом *bi*, можно заключить, что инструментальное маркирование ассоциируется с более **дистантной каузацией**, когда Каузатор косвенными действиями или словами воздействует на Каузируемого. При дистантной каузации Каузируемый обладает большими агентивными свойствами, чем в позиции прямого (39a), (41a), (42a) или непрямого (40a) дополнения.

- (39) а. *Žanna Maša m-ulup-o=la*  
 Жанна Маша CAUS-учить.PROG-P.3F=3F  
*lišan sura*  
 язык(М) ассирийский  
 ‘Жанна учит Машу ассирийскому языку’.
- б. *Žanna m-ulup=əla lišan*  
 Жанна CAUS-учить.PROG=3F язык(М)  
*sura bi Maša*  
 ассирийский с Маша  
 ‘Жанна заставляет Машу учить ассирийский язык  
 (а та не хочет)’.

- (40) a. *Ašur m-uxziyu-a-lə avtoyu*  
 Ашур CAUS-видеть.PST-SS.3F-LS.3M машина(F)-P.3M  
 ka Sargon  
 к Саргон  
 ‘Ашур показал Саргону свою машину’.
- b. *Saša bi Lena m-axzuvv-o=va*  
 Саша с Лена CAUS-видеть.PROG-P.3F=3.RETR  
*+skəṭta ibukra*  
 мертвый.F мышь(F)  
 ‘Саша заставил Лену посмотреть на мертвую мышь’.
- (41) a. *uəmta +m-uxəl-la yala sura xabuša*  
 мать(F) CAUS-есть.PST-LS.3F ребенок(М) яблоко(М)  
 ‘Мама покормила ребенка яблоком’.
- b. *uəmta +m-uxəl-la xabuša bi yala sura*  
 мать(F) CAUS-есть.PST-LS.3F яблоко(М) с ребенок(М)  
 ‘Мать сделала так, чтобы ребенок съел яблоко’.
- (42) a. *Ašur +m-uxəl-lə cəlba +bəsra*  
 Ашур CAUS-есть.PST-LS.3M собака(М) мясо(М)  
 ‘Ашур покормил собаку мясом’.
- b. *Ašur bi cəlba +m-uxəl-lə +bəsra*  
 Ашур с собака(М) CAUS-есть.PST-LS.3M мясо(М)  
 ‘Ашур оставил мясо для собаки и сказал ей,  
 чтобы она пошла и съела’.

Приводимые выше примеры, хотя и были одобрены носителями, по-видимому, не очень частотны. Примеры с инструментальным кодированием Каузируемого при каузативах от экспериенциальных или А-лабильных глаголов не встречаются в корпусе полевых текстов [Ovsjannikova et al. 2022], но находятся в корпусе литературного урмийского [Christian Urmi Corpus] и в текстах, собранных Дж. Кханом у носителей урмийского, родившихся в Иране [Khan 2016d]. В примерах (43)-(45) глагол *m-axzə* ‘показывать’ в сочетании с инструментальным маркированием Экспериенцера приобретает значение ‘проучить’, ср. русское *Я тебе покажу!* Прямое дополнение в подобных примерах выражается

либо местоименным суффиксом на глаголе (43), (45), либо именной группой (44).

- (43) Литературный урмийский (сохранена транскрипция, используемая в корпусе)

*Ənə vit m-əxz-in-nə* в *Şvaərin*  
я FUT CAUS-видеть.PRS-SS.1M-LS.3F с Швабрин  
'Я проучу Швабрина'. (Puşqin Brətə d qaritan)

- (44) Литературный урмийский

*Ənə vit m-əxz-in-nun* *viŋ-ux*  
я FUT CAUS-видеть.PRS-SS.1M-LS.3PL с-Р.2М  
*puqəqi* *prəjʃ*  
ноздри рваный.PL

[Старик отворотился и проворчал слова: «рваные  
ноздри!»... «Что ты там шепчешь, старый хрыч?» —  
закричал Хлопуша.] — 'Я тебе дам рваные ноздри'.  
(Puşqin Brətə d qaritan)

- (45) Иранский урмийский

*bət-m-əxz-ən-na* *biyy-ux*  
FUT-CAUS-видеть.PRS-SS.1M-LS.3F с-Р.2М  
'Я тебя проучу' [Khan 2016с: 217]. Перевод в источнике:  
"I shall show you the consequences of your actions".

В примере (46) у глагола *+m-axlə* 'кормить' в сочетании с инструментальным маркированием появляется значение 'надоедать', ср. английское *to be fed up*.

- (46) Иранский урмийский

*xa* *+raba* *+m-uxəlt=əla* *biyy-i*  
один много CAUS-есть.RES.F=3F с-Р.1SG

[ЛК: надоедливую женщину бросили в колодец. Из  
колодца вылетает дракон и жалуется на эту женщину:]  
'Она мне так надоела, [ты даже не представляешь]'.  
Перевод в источнике: "She has made me so fed up, that you  
cannot understand" [Khan 2016d: 144].

Итак, во всех рассмотренных в этом разделе примерах наблюдается следующий семантический контраст: если каузативный глагол может сочетаться с несколькими аргу-

ментными рамками, то маркирование Каузируемого инструментарным предлогом *bi* выражает более дистантную каузацию, при которой Каузируемый обладает большим контролем и большей волитивностью, чем в тех предложениях, когда он занимает позицию прямого или непрямого дополнения. Это согласуется с типологической гипотезой [Kemmer, Verhagen 1994: 137–138], которая предсказывает<sup>11</sup>, что при существовании в языке нескольких способов кодирования Каузируемого инструментарные показатели будут использоваться с наиболее автономными участниками, обладающими наибольшим контролем и подвергающимся наименьшему воздействию ситуации.

## 6. Заключение

Согласно рассматриваемой в настоящей статье гипотезе, с синхронной точки зрения в христианском урмийском выделяется два словоизменительных типа глаголов (класс 1 и класс 2), а также каузативная словообразовательная морфема *m-*, прибавление которой сопровождается автоматическим переходом глагола из морфологического класса 1 в класс 2. В статье было показано, что каузатив с префиксом *m-* является довольно продуктивной деривацией: в словаре зафиксировано минимум 196 глаголов с начальным *m-*, которые могут считаться каузативными производными от глаголов класса 1. И в словаре, и в корпусе полевых текстов *m*-каузатив (III порода в описании [Khan 2016a]) охватыва-

<sup>11</sup> “Our claim is that case-marked participants in general differ in degree of conceptual integration in the clausal event, with accusative most integrated, dative less integrated, and instrumental and/or agentive least integrated, where high degree of integration correlates with high degree of affectedness and topicality and low degree of autonomy of the causee. We predict that, if a language allows causees with different case marking in a given causative construction (IC or TC), those causee participants will be semantically distinguished in terms of degree of integration following the generalizations summarized in the preceding sentence.” [Kemmer, Verhagen 1994: 137–138].

ет большее количество глагольных лексем, чем другой способ каузативизации — переход глагола из класса 1 в класс 2 (II порода), то есть обладает большей реализованной продуктивностью. Однако возможность *m*-каузатива использоваться для образования новых слов и адаптации заимствований в современном языке скорее не подтверждается, хотя и требует дальнейшего изучения.

Выбор стратегии кодирования аргументов в конструкции с морфологическим каузативом в урмийском зависит от семантико-синтаксического класса исходного глагола. Данные урмийских идиомов, распространенных в России и Армении, в целом соответствуют картине в иранском урмийском, описанной в [Khan 2015]. В каузативах от **непереходных** и **A-лабильных** глаголов Каузируемый оформляется как прямое дополнение, в каузативах от **экспериенциальных** — как не прямое (с предлогом *ka*). При каузативизации **прототипических переходных** глаголов в урмийском нарушаются типологические предсказания иерархии синтаксических отношений Б. Комри — Каузируемый смещается в позицию косвенного дополнения (оформляемого предлогом *bi*), минуя позицию непрямого дополнения. Такая дистрибуция стратегий кодирования соответствует типологическим наблюдениям [Kemmer, Verhagen 1994] о первостепенной важности семантических, а не формальных факторов.

Согласно нашим полевым данным, в ряде случаев в урмийском при каузативах от A-лабильных и экспериенциальных переходных глаголов Каузируемый может занимать не только позицию прямого и непрямого дополнения, но и помещаться в позицию косвенного дополнения и маркироваться инструментальным предлогом *bi*. Такие случаи ранее не были описаны в литературе, посвященной урмийскому. Наблюдается следующий семантический контраст: конструкции с инструментальным предлогом *bi* выражают более дистантную каузацию, при которой Каузируемый обладает большим контролем и волитивностью, чем в конструкциях, где Каузируемый занимает позицию прямого

или непрямого дополнения. Эти данные согласуются с типологическими ожиданиями, согласно которым инструментальное маркирование связано с большей автономностью участника.

## Условные сокращения

1, 2, 3 — лица

I, II, III, QI, QII — породы глагола

ADD — аддитивная частица

CAUS — каузатив

DEM1 — 1-я серия демонстративов

DEM2 — 2-я серия демонстративов

DEM3 — 3-я серия демонстративов

EXI — экзистенциальная связка

F — женский род

FUT — будущее время

LS — L-суффиксы (в форме PST обозначают субъект,

в PRS — объект)

M — мужской род

NEG — отрицание

OBL — косвенная форма местоимений

P — посессивный суффикс

PL — множественное число

PROG — прогрессив

PRS — настоящее время

PST — претерит

REL — релятор

RES — результатив

RETR — прошедшее время

SG — единственное число

SS — S-суффиксы (в форме PST обозначают объект,

в PRS — субъект)

## Литература

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. Москва, 2006.

Мельчук 1963 — Мельчук И. А. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках. *Вопросы языкознания*, 1963, XII(4): 27–40.

Монастырская 2023 — Монастырская А. Г. Полисемия комитативной конструкции в урмийском новоарамейском. Забелина Е. А., Заика Н. М. (ред.). *Двадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.)*. Санкт-Петербург, 2023, 133–135.

Недялков, Сильницкий 1969 — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов. Холодович А. А. (ред.). *Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив*. Ленинград, 1969, 20–50.

Плунгян 2003 — Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное*. Москва, 2003.

Сай 2009 — Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 2009, V(2): 387–464.

Сай 2020 — Сай С. С. Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 2020, 16(2): 654–689.

Татевосов 2015 — Татевосов С. Г. *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события*. Москва, 2015.

Церетели 1964 — Церетели К. Г. *Современный ассирийский язык*. Москва, 1964.

Шведова 2024a — Шведова Е. Е. Каузативные оппозиции в христианском урмийском новоарамейском. *Вестник РГГУ*.

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение», 2024, 5: 110–140.

Шведова 2024b — Шведова Е. Е. Проект словаря новоарамейских глаголов. *Вопросы лексикографии*, 2024, 34: 42–61.

Шувалова 2023 — Шувалова В. П. Стратегии маркирования объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 19(3), 2023: 611–633.

Arkadiev, Pakerys 2015 — Arkadiev P. M., Pakerys J. Lithuanian morphological causatives: A corpus-based study. Holvoet A., Nau N. (eds.). *Voice and Argument Structure in Baltic*. Amsterdam, 2015, 39–97.

Baayen 2009 — Baayen R. Corpus linguistics in morphology: Morphological productivity. Lüdeling A., Kytö M. (eds.). *Corpus Linguistics: An International Handbook, Volume 2*. Berlin; New York, 2009, 899–919.

Christian Urmi Corpus — Lyavdansky A. et al. *Christian Urmi Corpus*. URL: [https://neo-aramaic.web-corpora.net/urmi\\_corpus/search](https://neo-aramaic.web-corpora.net/urmi_corpus/search) (accessed: 11.06.2025).

Comrie 1976 — Comrie B. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergencies. Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. Leiden, 1976, 261–312.

Creissels 2024 — Creissels D. *Transitivity, Valency, and Voice*. Oxford, 2024.

Dal, Namer 2016 — Dal G., Namer F. Productivity. Hippisley A., Stump G. (eds.). *The Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016, 70–90.

Dixon 2000 — Dixon R. M. W. A typology of causatives: form, syntax and meaning. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity*. Cambridge, 2000, 30–83.

Dixon, Aikhenvald 2000 — Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. Introduction. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity*. Cambridge, 2000, 1–29.

Goldenberg 2013 — Goldenberg G. *Semitic Languages. Features, Structures, Relations, Processes*. Oxford, 2013.

Haspelmath 2002 — Haspelmath M. *Understanding Morphology*. London; New York, 2002.

Kemmer, Verhagen 1994 — Kemmer S., Verhagen A. The grammar of causatives and the conceptual structure of events. *Cognitive Linguistics*, 1994, 5(2): 115–156.

Khan 2015 — Khan G. Causative Constructions in Neo-Aramaic (Christian Urmi Dialect). Lutz E. (ed.). *Arabic and Semitic Linguistics Contextualized: A Festschrift for Jan Retsö*. Wiesbaden, 2015, 506–530.

Khan 2016a — Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 1. Grammar: phonology and morphology*. Leiden; Boston, 2016.

Khan 2016b — Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 2. Grammar: syntax*. Leiden; Boston, 2016.

Khan 2016c — Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 3. Lexical studies and dictionary*. Leiden; Boston, 2016.

Khan 2016d — Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 4. Texts*. Leiden; Boston, 2016.

Lieber 2009 — Lieber R. *Introducing Morphology*. Cambridge, 2009.

Murre-van den Berg 1999 — Murre-van den Berg H. L. *From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century*. Leiden, 1999.

Nöldeke 1868 — Nöldeke Th. *Grammatik Der Neusyrischen Sprache Am Urmia-See Und in Kurdistan*. Leipzig, 1868.

Ovsjannikova et al. 2022 — Ovsjannikova M., Kozhanov K., Logvinova N., Lyavdansky A., Russkikh A., Say S., Shuvalova V., Shvedova E., Zabelina E. *Corpus of NENA varieties spoken in Russia*, 2022. URL: <https://nena-dict.ru/corpus> Дата обращения: 10.06.2025.

Paster 2016 — Paster M. Alternations: Stems and Allomorphy. Hippisley A., Stump G. (eds.). *The Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016, 93–116.

Pylkkänen 2008 — Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge (MA), London, 2008.

Shibatani 1976 — Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. Leiden, 1976.

Zabelina et al. 2022 — Zabelina E., Ovsjannikova M., Say S. *Sound dictionary of NENA varieties spoken in Russia*, 2022. URL: <https://nena-dict.ru/dictionary> (accessed: 30.08.2025).

Zúñiga, Kittilä 2019 — Zúñiga F., Kittilä S. *Grammatical voice*. Cambridge, 2019.

## References

Arkadiev P. M., Pakerys J. Lithuanian morphological causatives: A corpus-based study. Holvoet A., Nau N. (eds.). *Voice and Argument Structure in Baltic*. Amsterdam, 2015: 39–97.

Baayen R. Corpus linguistics in morphology: Morphological productivity. Lüdeling A., Kytö M. (eds.). *Corpus Linguistics: An International Handbook, Volume 2*. Berlin; New York, 2009, 899–919.

Comrie B. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergencies. Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. Leiden, 1976, 261–312.

Creissels D. *Transitivity, Valency, and Voice*. Oxford, 2024.

Dal G., Namer F. Productivity. Hippisley A., Stump G. (eds.). *The Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016, 70–90.

Dixon R. M. W. A typology of causatives: form, syntax and meaning. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity*. Cambridge, 2000, 30–83.

Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. Introduction. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Changing valency: case studies in transitivity*. Cambridge, 2000, 1–29.

Goldenberg G. *Semitic Languages. Features, Structures, Relations, Processes*. Oxford, 2013.

Haspelmath M. *Understanding Morphology*. London; New York, 2002.

Kemmer S., Verhagen A. The grammar of causatives and the conceptual structure of events. *Cognitive Linguistics*, 1994, 5(2): 115–156.

Khan G. Causative Constructions in Neo-Aramaic (Christian Urmi Dialect). Lutz E. (ed.). *Arabic and Semitic Linguistics Contextualized: A Festschrift for Jan Retsö*. Wiesbaden, 2015, 506–530.

Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 1. Grammar: phonology and morphology*. Leiden; Boston, 2016.

Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 2. Grammar: syntax*. Leiden; Boston, 2016.

Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 3. Lexical studies and dictionary*. Leiden; Boston, 2016.

Khan G. *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 4. Texts*. Leiden; Boston, 2016.

Lieber R. *Introducing Morphology*. Cambridge, 2009.

Lyavdanskyy A. et al. *Christian Urmi Corpus*. URL: [https://neo-aramaic.web-corpora.net/urmi\\_corpus/search](https://neo-aramaic.web-corpora.net/urmi_corpus/search) (accessed: 11.06.2025).

Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Pazel'skaya A. G., Shluinskiy A. B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verbal semantics in Karachay-Balkar]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Mel'čuk I. A. O «vnutrennej fleksii» v indoevropskikh i semitskikh yazykakh [The «inner inflection» in Indo-European and Semitic languages]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1963, XII(4): 27–40. (In Russ.)

Monastyr'skaya A. G. Polisemiya komitativnoy konstruktsii v urmiyskom novoaramayskom [Polysemy of the comitative construction in Urmi Neo-Aramaic]. Zabelina E. A., Zaika N. M. (eds.). *Dvadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 23–25 noyabrya 2023 g.)*. Sankt-Peterburg, 2023, 133–135. (In Russ.)

Murre-van den Berg H. L. *From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century*. Leiden, 1999.

Nedyalkov V. P., Sil'nitskiy G. G. Tipologiya morfologicheskogo i leksicheskogo kauzativov [The typology of morphological and lexical causatives]. Kholodovich A. A. (ed.). *Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy: Morfologicheskiy kauzativ*. Leningrad, 1969, 20–50. (In Russ.)

Nöldeke Th. *Grammatik Der Neusyrischen Sprache Am Urmia-See Und in Kurdistan*. Leipzig, 1868.

Ovsjannikova M., Kozhanov K., Logvinova N., Lyavdansky A., Russkikh A., Say S., Shuvalova V., Shvedova E., Zabelina E. *Corpus of NENA varieties spoken in Russia*, 2022. URL: <https://nenadict.ru/corpus>

Paster M. Alternations: Stems and Allomorphy. Hippisley A., Stump G. (eds.). *The Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016, 93–116.

Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku: Uchebnoe posobie. Izd. 2-e, ispravlennoe* [General morphology: An introduction. 2<sup>nd</sup> edition]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Pylkkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge (MA), London, 2008.

Say S. S. Argumentnaya struktura kalmytskikh kauzativnykh konstruksiy [Argument structure of Kalmyk causative constructions]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2009, V(2): 387–464. (In Russ.)

Say S. S. Markirovanie aktantov dvuhmestnykh predikatov v novoaramayskikh idiomah sela Urmia [Bivalent predicates' argument encoding in Neo-Aramaic varieties spoken in Urmia, Krasnodar Krai]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2020, 16(2): 654–689. (In Russ.)

Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. Leiden, 1976.

Shuvalova V. P. Strategii markirovaniya ob"ekta v hristianskom urmiyskom idiomе sela Urmia [Object marking in the Christian Urmi of the village Urmia, Russia]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2023, 19(3): 611–633. (In Russ.)

Shvedova E. E. Kauzativnyye oppozitsii v khristianskom urmiyskom novoaramayskom [Causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye»*, 2024, 5: 110–140. (In Russ.)

Shvedova E. E. Proekt slovaryа novoaramayskikh glagolov [The project of a lexicon of Neo-Aramaic verbs]. *Voprosy leksikografii*, 2024, 34: 42–61. (In Russ.)

Tatevosov S. G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. The verb and the event structure]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Tsereteli K. G. *Sovremennyj assirijskij yazyk* [Modern Assyrian language]. Moskva, 1964. (In Russ.)

Zabelina E., Ovsjannikova M., Say S. *Sound dictionary of NENA varieties spoken in Russia*, 2022. URL: <https://nena-dict.ru/dictionary> (accessed: 30.08.2025).

Zúñiga F., Kittilä S. *Grammatical voice*. Cambridge, 2019.